

го Э. принял участие как сценарист. Написаны и сценарии нескольких фильмов-сказок, мультфильмов.

С 1964 Э. активно сотрудничал с Театром драмы и комедии на Таганке, был консультантом Ю. П. Любимова, в сущности, неофициальным членом худож. совета. Написал инсценировку лермонтовского «Героя нашего времени», интермедии к спектаклю по есенинскому «Пугачеву».

В историю русской лит-ры и театра XX в. Э. вошел как автор «Мандата» и «Самоубийцы». Долгие годы пьесы существовали в ореоле легенд, содержание комедий передавалось из уст в уста. Рассказывали о спектаклях «Мандата», репетициях «Самоубийцы». При жизни автора пьесы, к сожалению, так и не были опубликованы на его родине. Из легенд «Мандат» и «Самоубийца» перешли в реальную лит. жизнь после публикации в 1987 в ж. «Театр» (№ 10) и «Советская драматургия» (№ 5).

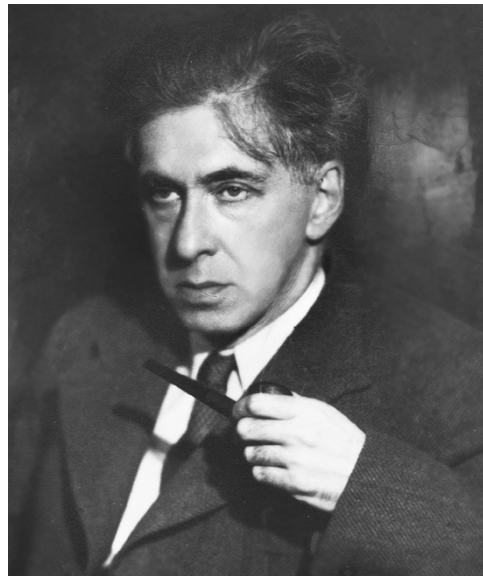
Современники первой постановки «Мандата» видели в комедиях Э. прежде всего «бытовые», «разоблачающие мещанство» пьесы. В наши дни многие режиссеры и критики посчитали объектом сатиры Э. уродливую систему власти, а мир персонажей пьес, «обывателей», — своего рода «зеркалом» этой системы. Но обе эти концепции оставляют пьесы в историческом прошлом. Комедии же продолжают свою жизнь в современности. Больше всего Э. занимало мироощущение его персонажей — внутренняя драма людей, потерявших привычный им мир, тоскующих по нему и никому не нужных в окружившем их хаосе новой действительности. «Жил человек, был человек, и вдруг человека разжаловали...» А «разжалованный» человек способен на поступки отчаянные и непредсказуемые.

Интерес драматурга именно к духовной драме, «новому мироощущению» своих персонажей и позволил его пьесам не превратиться ни в анекдоты из мещанского быта, ни в собрание блестящих реплик, ни даже в лукавое поддразнивание властей предрежущих. Пьесы Э. остаются современными и в наши дни потому, что посвящены, пусть часто неосознанным, нередко смешным и нелепым, но непрекращающимся усилиям человека существовать в мире по-человечески.

Соч.: Пьесы. Интермедии. Письма. Документы. Воспоминания современников. М., 1990.

Лит.: Велехов Л. Самый остроумный // Театр. 1990. № 3.

О. И. Козлова

И. Г. Эренбург

ЭРЕНБУРГ Илья Григорьевич [14(26).1. 1891, Киев — 31.8.1967, Москва] — прозаик, публицист, поэт.

В 1895 семья Э. переехала в Москву, где в 1900 Э. поступил в гимназию. Как член подпольной большевистской организации Э. в 1908 был арестован, просидел несколько месяцев в тюрьме и был выпущен под залог. Не дожидаясь суда, Э. уехал во Францию, где сразу же познакомился с Лениным и др. большевиками, но быстро разочаровался и в Ленине, и в его идеях; некоторое время издавал антиленинские сатирические журналы, а затем, начав писать стихи, полностью отдался лит-ре.

Первое стих. Э. — «Шел я к тебе» — было опубликовано в ж. «Северные зори» (Петербург), и в самом начале 1910, полгода спустя, в Париже тиражом 100 экземпляров вышла его первая книга «Стихи» (1910).

Далекое от реальной жизни, обращенные в Средневековье стихи привлекали тем не менее внимание таких ценителей, как В. Брюсов, М. Волошин, Н. Гумилев (всего было опубликовано не менее 20 рецензий). Э. начал активно печататься в русской прессе (ежегодно по книге стихов): 1911 — «Я живу», 1912 — «Одуванчики», 1913 — «Будни», 1914 — «Детское». В те же годы Э. познакомился с французской и испанской поэзией, занялся переводами, собрав их в несколько книг, наиболее известными и значительными из которых стали переводы баллад Ф. Вийона (1916) и антология «Поэты Франции» (1914).

Жизнь в Париже свела Э. с представителями творческой богемы, многие из них, оказавшие существенное влияние на его вкусы и пристрастия, на долгие годы стали его близкими друзьями (А. Модильяни, П. Пикассо, Д. Ривера, Б. Савинков, А. Толстой, М. Шагал, П. Яшвили).

Во время Первой мировой войны Э. стал корреспондентом сначала московской газ. «Утро России», а затем петроградских «Биржевых ведомостей», где опубликовал десятки очерков, статей и корреспонденций, во многом определивших его последующую публицистику. Не оставляя в то же время поэзии, он в 1916 выпустил большой сб. **«Стихи о канунах»**, признанный им в конце жизни своей первой «настоящей книгой».

После февр. 1917 Э. вернулся в Россию, занял позиции, близкие взглядам либеральной интеллигенции, октябрьского переворота не принял, откликнувшись на него книгой стих. **«Молитва о России»** (январь 1918), сразу же признанной контрреволюционной. Сб. был изъят из продажи и библиотек, он пребывал под запретом вплоть до начала 1990-х. Первую половину 1918 Э. провел в Москве, активно сотрудничая во мн. газ., публикуя статьи антибольшевистского содержания как на политические, так и на лит. темы. После закрытия в июле 1918 подавляющего большинства газ. Э., опасаясь ареста, бежал из Москвы и осенью обосновался в Киеве, где, не изменив своих позиций, работал в местной печати. Этот период творчества (Москва, Киев, Ростов), когда публицистика Э. поднялась до уровня, не превзойденного писателем и впоследствии, советской критикой, по существу, был выкинут из творческой судьбы писателя, о нем никогда не вспоминали, чему немало способствовал и сам писатель, не без оснований полагая, что вытщенные из забвения его статьи могут послужить причиной не только серьезных неприятностей, но и репрессий.

В 1919 в Киеве Э. написал первую прозаическую книгу **«Лик войны»** (вышла впервые в Софии в 1920), заметки и наблюдения с фронтов мировой войны, которая стоит в одном ряду с антивоенными произведениями А. Барбюса, Э. М. Ремарка, Э. Хемингуэя. В 1920-е книга выдержала несколько изданий, но с тех пор на русском яз. не выходила.

В 1921 Э. уезжает из России, он выехал легально в «творческую командировку» за рубеж, ему был сохранен советский паспорт (помог в организации такого отъезда Н. Бухарин, который был личным другом Э. еще по

работе в подпольной гимназической организации).

Начало 1920-х стало одним из самых продуктивных и значительных периодов в творчестве Э. Он продолжал писать стихи (в 1918–23 вышло более 10 его поэтических книг), опубликовал несколько сборников рассказов, книгу эссе о русских поэтах и книгу об искусстве **«А все-таки она вертится»**. В одном только 1922 вышла по-русски (а его уже начали переводить на европейские яз.) 9 самых разнообразных книг Э.

В 1921 Э. написал свой первый роман, принесший ему мировую известность. Роман имел «средневековый», в несколько строк заголовков: **«Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников: месье Дэле, Карла Шмидта, мистера Куля, Алексея Тишина, Эрколе Бамбучи, Ильи Эренбурга и негра Айши, в дни мира, войны и революции, в Париже, в Мексике, в Риме, в Сенегале, в Кинешме, в Москве и в других местах, а также различные суждения учителя о трубках, о смерти, о любви, о свободе, об игре в шахматы, о еврейском племени, о конституции и о многом ином»**. Э. с беспощадной иронией высмеял низость и пошлость военной идеологии, не пощадил революцию, посмеялся над всем и над всеми; роман был одновременно и философским трактатом о кризисе цивилизации, и сборником анекдотов, остроумным фельетоном и романом приключений. Критики называли его «настоящей классической сатирой», «сатирической энциклопедией», «блестящим памфлетом на капиталистический Запад и кустарную Россию».

После «Хулио Хуренито» Э. ежегодно выпускал по роману, а в 1923 даже два: **«Жизнь и гибель Николая Курбова»** (о романтической любви чекиста и контрреволюционерки, подосланной его убить) и **«История гибели Европы»** (история о том, как американские капиталисты уничтожили старый континент). В этом фантастическом романе Э. вполне реалистично предупреждал человечество о грядущих бедах, в частности, о страшной опасности тогда только зарождающегося фашизма. В 1924 писатель опубликовал **«Любовь Жанны Ней»** — трогательную остросюжетную мелодраму в диккенсовском духе, а в 1925 рассказал в романе **«Рвач»** о перерождении изначально преданных коммунизму комсомольцев в хапуг и преступников. В следующем году был опубликован роман **«Лето 1925 года»** — натуралистическая история

о скитаниях люмпенов, в 1927 — роман **«В Проточном переулке»** — о нэпе в России, о беспризорниках и гибнущей интеллигенции. В 1928 был написан мудрый философский роман **«Бурная жизнь Лазика Ройтшванца»**, в 1929 — исторический роман из эпохи Великой французской революции **«Заговор равных»**.

Все эти годы писатель жил за границей, сначала в Германии, а затем во Франции, лишь дважды (в 1924 и 1926) приезжал на родину. Официально он был советским гражданином, и зарубежная русская эмиграция не принимала его за своего. Ее лит. критика, зачастую как бы сквозь зубы признавая лит. талант Э., тем не менее о его произведениях отзывалась большей частью неодобрительно. Если в 1921–23 Э. в Берлине был постоянно в центре худож. жизни, входил во мн. общественные лит. организации, то уже в Париже он ни к кому из соотечественников не примыкал, постоянно чувствовал себя в русской среде одиноким, дружил преимущественно с зарубежными писателями, художниками, артистами. Рецензенты в России, также неизменно отмечая талант Э., в целом его творчество не одобряли; Э. в это время не шел ни в чьем русле, вел поиски творческого пути, постоянно меняя темы и формы своих произведений. В романе «История гибели Европы» и книге «А все-таки она вертится» Э. помимо содержания придал существенное значение графической подаче текста, «Жизнь и гибель Николая Курбова» написал ритмизированной прозой, в «Любви Жанны Ней» доказал и себе, и своим критикам умение остро закручивать сюжет, а в «Лете 1925 года» вообще обошелся без фабулы. Наиболее ярко поиски формы отразились в вышедших в эти годы нескольких книгах рассказов Э. Это были именно книги рассказов, а не сб., ибо каждая из них строилась по принципу некоей общности совершенно разнообразных историй. **«Неправдоподобные истории»**, **«Шесть повестей о легких концах»**, **«Условные страдания завсегдагата кафе»** и др.

Рассказы в этих книгах объединяло нечто схожее (например, место действия — кабаки, пивная, трактир и т. п.); они составляли некое композиционное единство. В 1922 новеллы, даже не имеющие названий, были собраны под общим заголовком — **«Тринадцать трубок»**. Книга приобрела большую популярность, а курительная трубка стала с тех пор неким символом Э. Сам же писатель, по крайней мере в своих высказываниях, нередко совсем неодобрительно отзывался об этом произведении, во всяком случае, к сво-

им достижениям не относил. Спустя десятилетия он разъяснял свое отношение к «Трубкам»: «Я писал эти рассказы в дождливое лето по одному в день, чтобы вечером прочитать их двум скучающим в эту дождливую погоду женщинам. Насколько я помню, мне хотелось показать, что интригу сочинить не трудно и что это может заставить любого человека читать книги» (Попов В., Фрезинский Б.— С. 266). В 1920-х книги Э. пользовались большим читательским спросом; в социологических опросах тех лет имя Э. неизменно стояло среди самых читаемых авторов.

Роман «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» повествовал о приключениях гомельского портного Лазика, которого неумолимая судьба бросала по различным городам России, а затем и Европы, нигде не давая спокойного пристанища, пока его скитания не прервались смертью, которую он нашел, попав в Палестину. Судьба не только гоняла Лазика с места на место, но постоянно ставила его в сложные обстоятельства, сталкивала со множеством самых разнообразных людей, ни один из которых не мог его по-настоящему понять. Недаром многие критики называли Лазика «Еврейским Швейком», ибо, как и чешский герой, он постоянно своими рассуждениями ставил собеседников в тупик. Существенная разница между ними состояла в том, что Швейк в глазах «нормальных» людей выглядел глупым человеком, а мудрая логика Лазика не вызывала у собеседников сомнений в его умственном превосходстве и этим еще больше раздражала. Роман был грустно-сатирическим; нелепые картинки окружающей действительности сочетались здесь с притчами, древними легендами, анекдотами. Впервые роман на Родине был напечатан спустя полвека после его написания.

Роман «Заговор равных» — о временах Великой французской революции. Это был первый и единственный исторический роман в творчестве Э. Однако эта историчность оказалась обманчивой, что немедленно отметили все зарубежные рецензенты. «Среди строк его книги без труда улавливаются совсем не случайные параллели между Францией 1790 года и Советской Россией: террор, голод, спекуляция, продажность и взяточничество,— писали в эмигрантской прессе.— Читается он и как роман, и как сатира. Скорее последнее» (Сегодня. Рига. 1928. 15 дек.). Наиболее прямо высказался ж. «Воля России» (1929. № 1. С. 117): «Порой кажется, будто не о Франции, не о 18 веке, а о СССР и последних днях Сталина говорит умный и ироничный автор». И действительно,

роман появился в конце 1928, накануне года великого перелома. Аналогия с термидорианским переворотом во Франции, уничтожившим завоеванные революцией свободы, была полной, но советская пропаганда предпочла намека не понять. Роман был опубликован не отд. книгой, а в журналах и с большими купюрами.

Единственный раз за всю творческую жизнь Э., книги которого всегда отмечались большим количеством отзывов, нередко совсем не доброжелательных, но все же рассказывающих о произведении, роман «Заговор равных» не получил ни одной рецензии в советской прессе. Об этом времени Э. впоследствии писал: «В 1931 году я почувствовал себя не в ладах с самим собой... Я мало думал о том, как написать следующую книгу; я спрашивал себя, как мне дальше жить... Никогда меня не удовлетворяло созерцание, мне хотелось не только размышлять над судьбами вымышленных персонажей, но и походить на них» (Люди, годы, жизнь. Т. 1. С. 542). В поисках пути Э. в эти годы много путешествовал, объездил все страны Европы — от западных побережий Франции до Польши и Чехословакии, от заполярных областей Швеции до юга Испании. Отовсюду он привозил замечательные очерки, составившие несколько книг, — «Белый уголь, или Слезы Вертера» (1928), «Виза времени» (1930), «Англия» (1931), «Испания» (1932), «Затянувшаяся развязка» (1934). Книги о производстве автомобилей и кинофильмов, о спичках и сардинах, о «хлебе нашем насущном» и железных дорогах составили в итоге «Хронику наших дней». Путевые очерки Э. отличаются острой наблюдательностью и богатством образов. Давно исчезло большинство реалий, описанных в этих книгах Э., забыты поднимавшиеся им проблемы, но и через десятилетия документальная проза Э. начала 1930-х воспринимается как блестящая лит-ра.

Среди путешествий Э. этого периода была и большая поездка его в Россию, на новостройки Сибири. Вернувшись оттуда во Францию, в течение 1932–33 написал один из самых известных своих романов «День второй» (1933, впервые опубл. во Франции), кардинально изменивший судьбу писателя.

После некоторого замешательства критики роман был оценен очень высоко, вызвал десятки положительных рецензий, дискуссий и почти мгновенно превратил Э. из сомнительного «попутчика» в ведущего советского писателя, обеспечил ему место в только что созданном Союзе советских писателей.

Роман был мастерски написан. Одна из его особенностей состояла в том, что в отличие от подавляющего большинства произведений тех лет, где по ходу повествования происходит трансформация основных героев, в «Дне втором» изменялись не герои, изменялся автор. Начало и конец романа были написаны как бы разными людьми, с различным мировоззрением, отношением к действительности. Начиная роман скептически настроенный посторонний.

Через год Э. решил повторить себя и, побывав на Русском Севере, написал роман «Не переводя дыхания» (1935), встреченный критикой еще более восторженно, чем «День второй», несмотря на то, что роман оказался слабым, невыразительным произведением. М. Осоргин, внимательно следивший за творчеством Э., откликнувшийся в основном весьма доброжелательными рецензиями практически на каждое его произведение, по поводу «Не переводя дыхания» писал: «Больше нет злого и бичующего Эренбурга, автора „Тринадцати трубок“, написанных свободным пером, с предельной резкостью и дерзким издевательством. Есть Эренбург — рядовой советский писатель... Теперь он поет не соло, а в хоре. От его участия хор выигрывает; но скажу откровенно, мне было жаль потерять солиста, писателя с отчетливой, не всеми слышимой индивидуальностью. Для перехода в хор нужно отказаться от очень многого, — а научиться только пустякам. Этим пустякам Эренбург научился» (Последние новости. Париж. 1935. 3 окт.). С середины 1930-х Э. отходит от худож. прозы. Несколько написанных впоследствии романов ближе к публицистике, чем к беллетристике.

В 1936 началась гражданская война в Испании, которую Э. в качестве корреспондента прошел с первых до последних дней. Вслед за ней наступила Вторая мировая война. Голос Э.-публициста был известен всему миру.

В 1940–41 Э. работает над романом «Падение Парижа» (1941) — о судьбе Франции в годы начавшейся Второй мировой войны; в 1946–47 публикуется роман «Буря», в 1951–52 — роман «Девятый вал», в 1954 — повесть «Оттепель» — последнее беллетристическое произведение писателя.

Как и практически все написанное Э., повесть появилась исключительно своевременно; она вызвала длительную ожесточенную дискуссию. Очень быстро забылось содержание повести, ее сюжетные коллизии, но ее заголовки остались на долгие десятилетия, став

нарицательным словом, обозначающим эпоху, наступившую после сталинских «заморозков».

В конце 1950-х — начале 1960-х выходят лит.-критические эссе — «**Французские традиции**» (1958), «**Перечитывая Чехова**» (1960), которые отличались широтой и тонкостью наблюдений над жизнью культуры, искусства. В 1959 появляется поэтический сб. «**Стихи**».

В 1960 началась публикация последней книги Э.— «**Люди, годы, жизнь**» (кн. 1–6, 1961–65). Э. стал своего рода знаменем либеральной интеллигенции, и едва ли не все поколение «шестидесятников» испытало на себе влияние этой книги. Она впервые и «из первых рук» познакомила читателя со мн. звездами мировой культуры, заставила задуматься над мн. политическими тайнами и загадками эпохи.

Э. писал об этой книге: «Я никак не претендую дать историю эпохи... Эта книга — не летопись, а скорее исповедь...»

Жизнь писателя была достаточно продолжительной и уникальной в своих многообразных взаимоотношениях с эпохой. Помимо яркой публицистики, он создал замечательные худож. произведения, был непревзойденным эссеистом, интересным, но малоизученным поэтом, мемуаристом, драматургом, переводчиком, критиком. Э. был одним из самых ярких явлений русской и мировой культуры XX в.

Соч.: ПСС. Т. 1–4, 6–8. М., 1928; СС: в 9 т. М., 1962–67; Стихотворения / вступ. статья С. Наровчатова; сост. Б. Сарнова; подгот. и прим. Н. Захарченко. Л., 1977. (Б-ка поэта. Б. серия); Люди, годы, жизнь: в 3 т. М., 1990.

Лит.: Терешенко Н. Современный нигилист. Л., 1925; Гольдберг А. Илья Эренбург: на английском яз. Лондон, 1983; Goldberg A. Ilya Ehrenburg. London, 1984; Рубашкин А. Илья Эренбург. Л., 1990; Berard E. La vie tumultueuse d'Ilya Ehrenburg. Paris, 1991; Попов В., Фрезинский Б. Илья Эренбург: Хроника жизни и творчества (1891–1923). СПб., 1993; Парамонов Б. Портрет еврея. СПб.; Париж, 1993; Rubenstein I. Tangled legalities: The life and times of Ilya Ehrenburg. N.Y., 1996.

В. В. Попов

ЭРЛИХ Вольф Иосифович [6.5.1902, Симбирск — 24.11.1937, в заключении] — поэт.

В Симбирске был активным участником гимназического ж. «Юность», участвовал в лит. вечерах. Учился на медицинском ф-те Казанского ун-та, перешел на его историко-филол. ф-т. Затем учился на ф-те обществен-

ных наук Петроградского ун-та, который окончил в 1924. В городе на Неве Э. вступил в Воинствующий орден имажинистов. В воспоминаниях о А. Чапыгине читаем: «В комнату стремительно вошел Есенин <...>. — Старик! Чапыга! Стенька Разин! — восклицал он. — А мы, вот видишь, к тебе. Вот и товарищи мои, имажинисты, здесь, вся орава со мною! Вот Эрлих, вот Полоцкий...» (Борисов Л. За круглым столом прошлого: Воспоминания. Л., 1971. С. 46).

С Есениным завязалась дружба, буквально повседневная. Весной 1924 С. Есенин вместе с ленинградскими поэтами выступал в здании бывшей городской думы на Невском проспекте, в театре-студии на Стремянной улице. «Наконец, — вспоминал Л. И. Борисов, — дали звонок, подняли занавес. За длинным столом сидели: посередине Есенин, направо и налево от него Полоцкий и Эрлих, Шмерельсон и Ричиотти» (Борисов Л. За круглым столом прошлого. С. 44). Летом того же года Эрлих выступал с Есениным в Детском Селе. В окт. того же года Есенин писал из Тифлиса Г. А. Бениславской о своей «Песне о великом походе»: «...перешлите Эрлиху для Госиздата» (Есенин С. СС: в 5 т. М., 1968. Т. 5. С. 135). О том, насколько детально входил Эрлих в издательские дела Есенина, свидетельствуют письма ему от Бениславской. Есенину она писала в янв. 1925: «Эрлих Вам напишет о делах петроградских. Он с нами, как отец родной, возил-

В. И. Эрлих